

ПОЛИНА САДКИНА

ИНСПЕКТРИСА

Полина Садкина

Инспектриса

«Автор»

2026

Садкина П.

Инспектриса / П. Садкина — «Автор», 2026

Если вы ищете магические миры, «рояли в кустах» и легкие приключения попаданцев — закрывайте вкладку. Нам не по пути. Этот роман — для тех, кто соскучился по тексту, который можно чувствовать, который пускает иглы под кожу. Кто ищет в литературе не способ убить время, а ту самую «бунинскую» эстетику, облаченную в современную форму. Острый холод Петербурга, эстетика закрытых кабинетов и обнаженный нерв человеческой души. Это мой первый большой роман в соавторстве с ПРЛ. Мне семнадцать, и в этой истории — всё моё честное видение мира, где за холодным мрамором и строгими правилами скрывается чья-то хрупкая жизнь. Город строгих регламентов, казенных бумаг и людей-функций. Что остается, когда корсет системы затянут слишком туго? Только холод мрамора под босыми ногами и пронзительная тишина пустых комнат. Это история о том, как опасно быть живым в мире, который ценит только порядок. Минимум слов. Только воздух, которого не хватает, и красота, которая причиняет боль.

© Садкина П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Инспектриса

Глава 1

Всё это было, было, было...
Свершился замкнутый кругой,
Крутилось страшное светило
Над бессмысленной суетой
— Александр Блок

Тысяча восемьсот восемьдесят девятый год. Восковой валик закрутился.

— Светочка, — голос был топлёным, ласковым, казалось, лился по коже тёплым молоком, — свет моей жизни, я даю вам слово, — Пётр поднял невесту и закружил, — внемлете ли? Клянусь! У нас будет своё гнездо, самое уютное во всем Петербурге. Мы заживем по-своему! Мы будем вместе выращивать цветы, у нас будет своя оранжерея! — Меж слов мелькало женское хихиканье. — Вы полагаете, я шучу? Вот, наша первая девочка-цветочек — орхидея! Я дарю её вам, нет, нам! Я очень люблю вас, Светочка!

Запись закончилась, игла фонографа застучала по пустому воску: «*шмяк, шмяк, шмяк*».

Этот ритм был единственным звуком в тёмной спальне, доходящим до женщины в твёрдом, тёмно-коричневом кресле. Лицо ее разглядеть можно было лишь от тонкого лунного освещения. Светлана сжала губы и начала шуршать по ворсу кресла ногтями крепко сжатого кулака, на котором уже отчётливо виднелись тонкие сухожилия, приподнимающие вены. Фонограф издевательски продолжал: «*шмяк, шмяк*», иногда твёрже, иногда мягче — «*шмяк... шмя-я-як, шмяк!*». Дама дрогнула лицом, отводя его вбок и откровенно морщась, плавно, почти игриво подскочила с кресла, подкралась к столику и хлопнула по фонографу; хлопок отзвучал резким: «*Хватит!*»

— Светлана, подай чаю! — пролетело через весь дом из кабинета Петра.

Светочка дёрнулась и поправила выражение лица на приличное.

— Сейчас! — Женщина сняла валик с мандрели и положила его в коробочку.

Направилась в кухню. Дом их был устроен на новейший лад, с просторными залами, и весь находился в полном и единоличном распоряжении Светланы. Потолки были невероятно высокими, что вроде и хорошо, но любой даме, конечно, хотелось бы повесить хоть одно кашпо, украсить хоть одну люстрочку. Тем не менее Света была довольна, что могла потянуть уставшие от готовки руки высоко-высоко, выгнуть, поводить ими в воздухе и ни разу не задеть обветшалый деревянный потолок, как в прошлом доме. Вспомнив об этом, Света решила потянуть руки просто так, потому что может, ведь, как говорила мама: «*Нужно дорожить тем, что имеешь*».

Вода в бульотке была уже горячая, снизу украдкой извивалась тонкая струйка огня, нагревающая воду. Светлана аккуратно подняла медную бульотку, ополоснула водою заварник, потом слила. Нужно достать чай. Табуретка стояла в углу; Света подвинула её к шкапам, встала на носочки, потянулась к полочкам. Запахло печеньем, лавровым листом и всякими крупами. Она искала железную коробочку, расписанную синими цветами, с красивой девушкой посередине, а в ней — индийский чай. В доме сегодня было особенно прохладно; Свете даже казалось, что к ним как-то зашёл ветер и бился о стены с какою-то ожесточенною яростью, что пару раз ударил и саму женщину.

Светочка насыпала чаю в заварник, залила кипятком; листья начали плавно раскрываться, оживать, выделять в воду яркие соки. Накрыла заварник тем, что первым увидела на столе — блюдцем. Залезла на табуретку, открыла шкафчик, поставила коробочку с чаем на место.

— Скоро будет, поставила настаиваться! — голосок пролетел обратно в кабинет.

— Налей побольше, Светочка, мы ждём Лидию, ты не забыла?

Света выдохнула, постучала ногтями по дубовому столу. Настучалась. Залезла на табуретку, встала на носочки... Ногу свело. Трясла ногой в поисках чая. Спустилась, подняла блюдце, насыпала чаю, залила кипятком. Бульотку — на место, блюдце — на место, чай — на место.

— Помню, — выдохнула дама, ставя табуретку на место, — что-то я замёрзла, Петь!

— Накинь шаль.

Света пробежала до спальни на цыпочках, чтобы ноги не замёрзли, достала из шкапа шаль. И чулки: ноги-то мёрзнут, да и Лидия скоро придёт, а босиком ходить — моветон. Шаль была из грубой шерсти, пощипывала шею, а чулки — голени, зато стало теплее. Она пошла обратно, уже увереннее. Подняла блюдце, присмотрелась: *«Как всё-таки их так красиво расписывают?»*. Взяла блюдца и чашки, проскользнула в залу. Поставила чашки в блюдца, сбегала на кухню за заварником, разлила заварку по двум чашкам, потом вспомнила про свою. Перелила по одной трети с каждой, немного краснея. Залила в чашечки кипятка. Рукам от пара стало так тепло, что даже захотелось, чтобы пришло побольше гостей. Поискала конфет — не нашла. Бегала по кухне, отыскивала варенье и шандру, наложила варенья в розетки. Подошла к окну, прижалась к стеклу, чтобы разглядеть улицу пониже. Лицу стало ещё холодней. Выглядывала Лидию.

— Сани едут, Петь!

Петя не ответил. Может, голос не дошёл.

Она помялась около окна, посмотрела, как женщина медленно подходит к дому, с интересом поводила пальцами по стеклу... Кто-то всё-таки ответил сразу всему дому: прожужжал дверной звонок. Света двинулась к прихожей, почувствовала приятное предвкушение гостей. Дверь открылась, в дом ввалилась тучная женщина, в прихожей сразу запахло морозной шубой и масляными духами.

— Здра-а-авствуйте! — Лидия Петровна широко заулыбалась и затряслась, щёки её потрескались и побагровели от холода так, что можно было разглядеть маленькие красные жилки. — Извольте сопроводить к хозяевам дома! — Она разразилась хохотом. — Ну а чего? Хоть одну служаночку-то надо, а то своими худю-ющими ногами бегаешь по всему дому! Давай, снимай с меня эту шубу, а то, пока поднималась, возникло ощущение, что она сто пудов весит.

— Здравствуй, Лидия, — Света кротко улыбнулась, — ну чего ты, я и одна справляюсь, зачем деньги тратить?

Шуба упала на руки Свете: *«Вовсе она не тяжёлая, а если и тяжёлая, то от грехов за смерть соболят»*.

— А-ага! Набегаешься так — руки распухнут пуще моих! — Лидия дрогнула, согреваясь от уличных морозов. — Петенька! Ступай же к нам, чай кто пить будет? Полно тебе бумаги марать, всё одно за одну ночь всех законов не перепишешь!

— Пётр работает... — улыбнулась Света. Прозвучало это тихо и ласково.

Пётр вышел в залу: в дорогом костюме, пахнувший духами.

— Здравствуй, Лидочка! Готов к чаю с конфетами!

Света отвела взгляд:

— Ах, Пётр, боюсь, конфет у нас не осталось...

— Да я взяла! — Лидия потрепала даму за макушку.

Светочка разложила каждому по ложечке, Лидия вывалила конфеты в пустую вазу, Пётр сел за стол. Так же быстро Пётр из-за него и вышел, а дамы проболтали до вечера, съев все конфеты, варенье и даже больше. Проводив подругу, Светочка зашла в спальню. На мраморном подоконнике стояла орхидея, их с Петенькой «первенец». Она покрылась чешуйчатой корой,

разрослась вширь, но совсем не изменилась. Женщина стояла и не могла налюбоваться лишь одним — заботливо политой Петром землёй. Ещё совсем немного, и бывать оранжерее.

— Света, ложись спать.

Та улеглась под бок, а Пётр крепко её обнял.

Глава 2

Первое марта. Тысяча восемьсот девяносто третий год. Лапы солнца сегодня необычайно нежно играли с лепестками орхидеи. Светлана всё еще шурилась, доставая новый валик из секретера. Она проплыла в залу, где стоял фонограф, отодвинула репродуктор и, вставив восковой цилиндр на мандрель, нажала кнопку.

— *«Утро туманное, утро седое...»*

— *«Нивы печальные, снегом покрытые»*, — подпевала Светочка. — Вставай, Петруша-а! Пётр протер глаза и поцеловал Светлану в щеку.

— Как я обожаю, когда ты поешь! — С ехидным любованием он покачал головой, точно смакуя вкусную еду.

Звук фонографа разнесся на весь этаж.

— *«Нехотя вспомнишь и время былое»*, — Светочка уже кружилась по залу, громко смеясь. — *«Вспомнишь и лица, давно позабытые!»* — она игриво развернулась, указав пальцем прямо на мужа, который уже собирался выходить из дому.

Весь день Светочка ждала его с работы: протирала сервант, готовила ужин, меняла ска-терти.

— *«Вспомнишь обильные страстные речи...»* — она почти закончила накрывать на стол, когда вошел Пётр.

— Я дома, — он держал под мышкой стопку писем за последнюю неделю. — Будь добра, приведи почту в порядок.

— Конечно! — Светочка, всё ещё в танце, сделала пару оборотов, выхватила у мужа письма и так же изящно закружилась к столу.

«Пишу сообщить, что семнадцатого числа февраля месяца партия свинины пришла испорченной».

Она вскрывала конверты: ненужные откладывала вправо, а важные — влево, на рассмотрение мужу. Попался счет из ресторана, где Пётр обедал с «нужными» людьми; Света зажмурилась и подняла голову, чтобы случайно не подсмотреть сумму.

«А чего у вас детей-то нет, Петь? Твоя же женщина что, не женщина?»

Света перечитала строчки еще раз, возмущенно сложила бумагу в квадратик и кинула вправо, продолжая разбор с напускным спокойствием. Она пыталась вчитаться в суть остальных писем, но мучительное повторение того предложения засело в голове. Света зарыдала.

Через несколько минут в комнату вошел Пётр. Он помедлил, но он знал её слишком хорошо. Пётр развернул назойливый, как муха, конвертик, пробежался глазами по строчкам и тяжело вздохнул.

— Светлана, полноте. Твои слезы не наполнят детскую колыбель. Ты изнуряешь себя напрасно, и, признаться, этот вид портит мне вечер. — Он сел рядом, похлопывая её по плечу. — Займись делом, это умиротворяет нервическую дрожь.

— Я за дела. Как разберешь всё, занеси в кабинет.

Мужчина ушел. Света продолжала разбирать почту, то и дело вытирая нос и промакивая глаза. Постепенно она успокоилась и даже слегка улыбнулась. Половина писем канула в мусорку, другая — легла на стол к Петру.

— Ложись, я еще работаю, — буркнул он, увлеченный чем-то в своей книге. Пётр даже не поднял глаз.

Она тихо прокралась в спальню, стараясь не отвлекать его, и решила сама увлечься кое-чем важным. Орхидеей. Её влажной землей, которую поливала не она — так сладко не она.

В полной темноте спальни она могла трогать эту землю, чувствуя в сырости прикосновение его пальцев.

Но внезапно пальцы нащупали... тонкие ниточки валика для волос. Света не могла понять: её он или нет? Кто знает, сколько у неё этих валиков... Она аккуратно подняла похитителя момента и понесла напрямик к раковине, закрыв ванную на щеколду. В полумраке она отмывала валик, терла и терла его твердым мылом, нажимая на педаль подачи воды. Она пыталась наконец признать его своим, но не могла, и потому терла еще сильнее, пока пальцы не разбухли от воды, а глаза не начали неумолимо болеть.

Скрежет откуда-то снаружи заставил её вздрогнуть. Она отпустила педаль и застыла, выжимая валик. Тихо приоткрыв дверь, Света побежала в спальню, на ходу бросив валик сушиться на батарею.

Они снова уснули. Пётр крепко обнял жену, а она зарылась в его грудь, чувствуя долгожданное тепло.

Утром Света пересолила мужу завтрак.

Глава 3

Служащий не имѣетъ права на собственное мнѣніе, отличное отъ воли начальства, ибо всякое разсужденіе есть корень неповиновенія и начало разрушенія государственнаго порядка...

— Изъ Свода Законовъ Россійской Имперіи.

Двадцать шестое марта. Шершавые гипсовые стены перешептывались по длинному коридору, отражая эхо каждого шага. Строгий костюм Петра, вычищенный до блеска, впитывал свет тусклых, теплых ламп, которые висели под потолком, словно засыпающие глаза. Пётр подошел к массивной двери. На её темном дереве возвышалась табличка со строгими углами и линиями: «ДИРЕКТОР Промокаев А.А.».

Медная ручка двери под давлением широкой руки туго опустилась вниз и издала противный протяжный скрип. Пётр шагнул внутрь; черная туфля глухо стукнула по дубовому паркету-елочке.

— Дозвольте? — Из кабинета сразу потянуло густым запахом чернил, архивной бумаги и кордовской кожи.

— Входите, Пётр, — Аркадий мягко махнул рукой, давая позволение. — Я вас слушаю.

Пётр быстро поправил галстук и помял в кармане бумажку, влажную от пота рук.

— Садитесь. — Директор указал на кресло, не сразу повернув голову: он отдирал взгляд от документов медленно, словно тот был приклеен к строчкам.

Пётр уверенно уселся в холодное кожаное кресло, лизнул сухую губу и обвел взглядом кабинет.

— Я пришел к вам с неким делом, — до боли приятно ему было касаться дорогих подлокотников, что он даже на мгновение замолчал, смакуя момент. — Жена моя, Светочка, всё без дела сидит. А ум-то у неё острый: письма мои разбирает, ошибки в документах находит.

Взгляд Петра зацепился за резную статуэтку лошади на столе, уголок губы потянулся в еле заметную ухмылку.

— Нынче, я слышал, в департаментах входят в моду инспектрисы: порядки наводят, кого уволят, кому помогут. Да и надо женщине на ком-то поязвить, как-никак.

Аркадий Аркадьевич нахмурил брови. Его зрачки застыли сначала на окне, потом на раме, на шкапу, на женщине в шляпке, идущей далеко по улице...

— Да! Хорошая идея, — директор на мгновение прикусил щеку, сдерживая так и чесавшийся вопрос, но решил его не задавать. — А жалованье?

— Относительно жалованья не беспокойтесь, я беру содержание на себя. — Пётр постукал пальцем по коже кресла; кончики пальцев мягко прилипали к дорогому материалу. — А вот мне можно и повисить, верно?

— Идите, Пётр. Принесете документы Светланы, на днях всё оформлю.

Мужчина вышел широкими, громкими шагами, мечтательно задрал подбородок.

Кухня залилась паром, духом белого перца и лаврового листа. Света никогда не понимала, зачем этот лист в супе, но всегда послушно его добавляла. Пар от кастрюли пощипывал мокрые руки, пыль специй кружилась в воздухе — дышать было тяжело и вкусно, а праная вода переливалась пузырями, издавая бурлящее рычание. Света мелко-мелко крошила перец и морковь; рука её плавно возносилась над доской и резко падала вниз, так что все звуки на кухне сливались в аппетитный ансамбль. В комнате было жарко и душно от варева, но прохладно и легко от открытого окна, откуда пробивались золотистые дневные лучи.

Её домашнее платье с расстегнутым воротом пахло мукой. Ткань колыхалась от зашедшего в гости ветра, который сегодня был в добром расположении духа. Света чувствовала,

что хотя руки её и были ровно прибиты к доске ритмом работы, остальное тело окутал этот сквозняк и позволил немного взлететь. Она разлила суп по тарелкам, в которых он продолжал кипеть, источая густой пар. Приняв тарелки в обе руки, она осторожной, ровной поступью повлекла их в залу, словно несла некое хрупкое подношение. Света насыпала в тарелки немного душистого укропа, поправила сервировку и вдруг обнаружила на тумбе среди статуэток... чек. На корешке было размашисто выведено, что Светлане следует купить рабочую юбку и блузку — и даже разрешалось взять что-нибудь по своему вкусу.

Она подняла чек. Буквы поблескивали, как свежая краска. Света перечитывала распоряжение и даже хихикнула от такого неконкретного выражения, представив Петра в строгой блузке с высоким воротником. Но смех продлился недолго. Светлана опустила в кресло и замерла, глядя в пол. Она рассматривала пылинки и ворс ковра, пытаясь понять: *«Зачем вам, Светлана, вдруг понадобилась такая одежда?»*.

Пётр в это время сидел за небольшим берёзовым столом, где лежали мятые стопки бумаг и коробка с перьями, на которые с самого верха тускло светила керосиновая лампа, качаясь от резких движений мужчины и накладывая свет то на одну сторону, то на другую. Он плотно прижал ноги к полу и наклонился почти вплотную к столешнице, воодушевленно переписывая самые важные, по его мнению, новые законы и правила фабричного порядка. Он дико раскрывал глаза, впитывая в себя слова и знаки, блаженно поджимал губу, а затем резко опускал голову к новой книжке в черном кожаном переплете. Судорожно, но ровно и чётко он вносил туда сухие правила, стараясь не выпустить ни одной буквы из головы. Мертвый свет газового фонаря пробивался сквозь занавески, окрашивая мужчину в нездоровый желто-зелёный цвет.

Глава 4

Двадцать седьмое марта. Швейцар распахнул дверь доходного дома. Снег ещё держался по углам улиц, покрытый грязной коркой льда, а воздух уже нагрелся, стал тёплым, влажным и по-весеннему бесстыдным. Светлана в платье цвета разбавленного молока, казавшемся слишком уж хрупким для весенних луж, и в широкой шляпке, страусиное перо на которой игриво извивалось от ветра, вышла за порог и как следует втянула густой аромат улиц.

Она сделала первый шаг. Запечённый снег под тонкой подошвой лайкового ботинка хрустнул, зазвенев и рассыпавшись на маленькие пузырьчатые стёклышки. Даму это раззадорило; она выпрямила спину и направилась к салону мадам Жюли, то и дело разбивая хрустальные корки. Они лопались, выскакивали из-под туфли, точно живые лягушки, очнувшиеся от весеннего тепла.

Стоило ей завернуть на главную улицу, как тут же стало по-хорошему больно от звуков и красок. Мальчишка лет двенадцати бегал от панели к панели, покрикивая: *«Дамы, журналы! Модные журналы! Почти бесценно, пять копеек!»* Поодаль те самые дамы, пёстрые и по-своему громкие, всю перешептывались и язвительно гоготали. Мужчина во фраке курил у входа в кабак, что-то бормоча под нос и нервно потирая ногу. Извозчик рывкал на лошадь, ругал её, но так ласково, словно домашнюю собаку. У калачной грудастая баба зазывала прохожих, расписывая вкус выпечки; да так сладко зазывала, что и Светлане вдруг захотелось домашних пирожков. Она повернула голову, над женщиной уже возвышался салон — розовый, с резьбой, позолотой и широкими витринами, за которыми красовались самые бархатные экземпляры.

Светлана опустила ручку-лапу и вошла. Её встретили звон колокольчика и безмолвная тень швейцара. Она едва кивнула, позволяя мужчине снять накидку. Его руки почему-то показались тёплыми, какими-то по-домашнему добрыми — Светлана даже вздрогнула, широко раскрыла глаза от испуга за собственную мысль.

— Мадам, всё в порядке? — тактично спросил швейцар, бережно встряхнув её пальто.

Светлана опомнилась, и лицо её тут же сделалось задумчивым и важным.

— У мадам Жюли безупречные швы, это видно даже отсюда. Она у себя? Передайте, что пришла супруга господина Точилова.

Швейцар испарился за тяжёлой портьерой, оставив женщину среди высоких зеркал и блестящих журналов. Тонкими нотками поверх пудры и текстиля пробивался дорогой табак, оставшийся от бесконечно долго ожидавших здесь супругов. Она села на диван, который был так мягок, что она ощутила себя кусочком масла на пышной булке — тающим и уходящим куда-то глубоко. Светлана листала журнал на столике, будто ей и впрямь это несказанно интересно, а сама продолжала гадать о назначении костюма.

Штора отодвинулась с характерным звуком колец — скользящих, застревающих, бьющихся друг о друга.

— Мадам Точилова! — Пожилая женщина с седой причёской вошла внутрь; она была настолько же высокомерна, насколько и любезна. — Ваш супруг вчера прислал нарочного. Пётр Николаевич весьма заботлив: он просил подготовить для вас нечто особенное для визитов. И он прав — вы сегодня излишне бледны. Этот шёлк цвета «изумрудного льда» вернёт вашим щекам благородный румянец, вот увидите.

Жюли два раза звонко хлопнула в ладоши. Помощницы вынесли манекен, на котором был выстроен костюм — чёткий, почти мужского кроя, из тяжёлой, негнущейся ткани. Светлана зашла в примерочную. Девушки бесшумно помогли ей раздеться, снимая привычное платье, пока не оставили её в одном корсете.

Облачившись в обнову, дама увидела в зеркале кого-то строгого, властного, мрачно-изумрудного. Костюм настолько сковывал грудь, запястья и бёдра, что она казалась совсем плоской и бесформенной; свободны были только кисти рук под пышными рукавами.

— Идеально, — выдохнула модистка, встряхнув кистями так, будто сама и шила, и передевала Светлану. — Вы теперь само совершенство.

Когда её наконец одели обратно в её вещи, она стала жадно вдыхать и выдыхать, благодаря воздух за само его существование.

Светлана поспешно подала Жюли чек и дежурно попрощалась, прихватив коробку с костюмом; она даже не стала проверять сумму. Накидка упала на плечи, скрывая дрожь в руках, но не то странное оцепенение, которое осталось после примерки. Швейцар, распахнувший тяжёлую дверь, едва успел склониться на прощание — так стремительно она пролетела мимо. Ей нестерпимо хотелось всё же купить тех пышных пирожков, съесть их прямо на улице, как совсем юная девица, но пришло осознание: чек она уже отдала.

Женщина бродила меж домов и лавок, впитывая тепло и звенящие разговоры. Рассматривала прилавки: высокие кожаные ботинки и фетровые шляпки, ожерелья с переливчатым жемчугом и кольца с внушительными камнями. За одним из окон, под табличкой «*Лавка живого товара*», сидел маленький сиам. Он смотрел на неё глазами, которые блестели ярче всяких камней. Так хотелось прижать его к груди и отнести домой, лелея и защищая, словно котёнок сидел вовсе не за витриной, а прямо на дороге, в картонке — продрогший и голодный.

И тут же, будто прошло всего мгновение, она оказалась дома, в кабинете Петра.

— Петенька, дорогой мой... — она вбежала внутрь.

Пётр опешил, но тут же вернул себе форму.

— Так! — крикнул он, плавно указав рукой на кресло поодаль от рабочего стола. — Садись.

Света юркнула в кресло, приподняв подол. Ощувив разительный контраст с мягким салонным диваном, она невольно сжалась, убрав руки на колени. Кресло было твёрдым, потрёпанным и пахло орехом.

— Петя, мне ведь так одиноко, так тоскливо сидеть дома совершенно одной, — мурчала Светлана, едва сдерживая жалобные слёзы. — Мы можем завести кота? Я видела на витрине...

— Одиноко? Светочка! Знаешь, кого надо завести, чтобы было не... — Пётр выпрямился и рывком указал на пустую комнату под детскую. Он тут же осёкся и замолчал, опустив руку на стол. — Не будет тебе одиноко, Светочка. Я тебе место нашёл, пристроил. Теперь ты инспектриса. К маю направишься в Паровку, наведёшь порядки.

— Хорошо, Петь! Я с радостью помогу, с великой радостью! — Брови её скривились, кончики опустились почти до глаз, которые блестели, предвещая горькие слёзы. — Только котёнка, пожалуйста, котёнка!

— Никаких котов! Ты работать будешь, за делом следить. Куда кота? Све-е-ета-а! Приди в себя.

Губы Светланы сразу стали тоньше нитки, рот вжался в зубы, а брови туго выпрямились. Она вышла из кабинета, демонстративно отвернувшись от мужа. Слез не было, но плечи больно сжались, а в груди поселился глухой голод.

Света не «расправлялась» до самого утра, и ни мокрая земля орхидеи, ни тёплые объятия не могли успокоить напряжённое тело. Ночью ей приснилось, что оказалась она глубоко беременной, слабой, разбухшей, а Пётр пинал и пинал её живот, шипел и дрожал, пока не родила она трёх слепых и кривых сиамских котят — грязных, в обволакивающей липкой жидкости.

Глава 5

Шестое мая. Холодная вода коснулась босой ноги. Света брезгливо вытерла её о ковёр, не прекращая умываться. Набирала в ладони ледяную воду и, совсем не задумываясь о чистоте, резво плескала в лицо. Брызги летели под умывальник, собираясь там пятнами разных размеров: они медленно росли, искривляясь и сливаясь друг с другом. Света убрала ногу с педали — на стопе остались легкие вмятины. Клапан захлопнулся с глухим механическим звуком. Она небрежно вытерла пол, волоча ковер ногой по плитке, и прошла в залу, закрыв дверь тяжелым толчком.

На обитом плотной тканью локотнике кресла уже лежала форма. Пётр проснулся гораздо раньше, всё подготовил и теперь совершенно расслабленно читал газету. Увидев густую черную жидкость в чашке мужа, женщина невольно передернулась, на мгновение представив эту горечь на языке. Сразу захотелось заесть гадость чем-то мягким и легким — так вспомнились те самые пирожки.

Светлана отстранённо прошла мимо Петра напрямик на кухню. Она открыла дверцу тяжелого ледника, и на неё сразу дохнуло густым холодом и сомнительной свежестью. Достала яйца. Воду в поддоне уже пора было сливать, но дама заметила это так не вовремя, что тут же предпочла забыть.

Мука опустилась в миску, как воздушная пыль. Следом ввалилось ароматное масло. Света поднесла яйцо к лицу: на самой верхушке красовалось невинное лёгкое перышко, будто тонкий волосок. Она сразу задумалась: сколько, наверное, в Паровке будет курочек, свиных и коров? Как здорово будет за ними понаблюдать. Ей хотелось бы погладить нежную, блестящую шерсть коз, и в то же время она этих коз — а точнее их костяные неровные рога — до смерти боялась.

Скорлупа разбилась. Содержимое плюхнулось, оставив вмятину на подтаявшем масле. Белок лениво обтёк муку, под его слоем виднелись пузырьки воздуха, а желток стойко лежал прямо в углублении. Его гордость могла пошатнуть только белая запутанная нить халазы, прикрепленная к оболочке — маленькое уродство, казавшееся Свете совсем неаппетитным. Она обхватила ледяную керамическую ручку кувшина, подняла высоко над миской, будто знаменитый повар, и завершила всё молоком. Оно скрыло и муку, и гордый желток; теперь казалось, что перед ней просто миска молока. Света засунула руку в эту когда-то красивую массу и принялась быстро её вымешивать.

Тесто было холодным, липкое яйцо и масло неравномерно забивались глубоко под ногти, а комки муки цеплялись к коже. Но мысли о румяной корочке отбивали всякое отвращение. Она мешала и мешала, постепенно овладевая жижей, которая под её напором превращалась в упругий шар. Света накрыла его кухонным платочком, отодвинула на край стола и на всякий случай перекрестила.

Вскоре она осознала, что пирожки должны быть сочными. Света спохватилась, начала искать начинку так спешно, словно если она промедлит — тесто взбукнет и убежит. Ливер лег на доску и, не успев отойти от морозов ледника, был резво порезан. Нож опускался, не успев подняться, стучал по дереву короткими очередями. Кусочки становились мельче, отлетали на стол, а затем скатились прямо на сковороду, где были щедро посыпаны перцем и мускатным орехом. Ливер жарился, пах мясом и пряностями, пока не стал пёстрым и густым. Петра окружил аромат жареной печени; строчки в газете больше не читались, в голову лезли только заголовки: *«Чем обернулся званый ужин?»*, *«Соль — смерть или приправа?»*.

— Светочка, душа моя, — Пётр опустил газету и пропел, вдыхая запах, — ты что готовишь?

Он заглянул на кухню, наблюдая за женой, что кружилась вокруг сковороды.

— Пирожки с ливером, — бросила она. Начинка стала совсем темной.
— Светочка! Да тебя в Паровке за такие пирожки на руках носить будут!
— Туда и готовлю, — Светлана сняла тряпочку с миски и рассыпала муку по столу.
— Вот оно как, — он облизнулся. — А мужу достанется?
— Не сегодня. Я тебе чаю сделаю, — дама раскатывала кусочки теста, не отводя взгляда,
— с сухарями.

Света надавила на скалку, и время затянулось в мучную складочку.

Противень стоял на столе. От воздушного теста тянулся легкий пар, лоснящийся слой желтка покрывал румяную корочку. Света брала пирожки кончиками пальцев и клала в корзинку. Обхватив тугое плетение ручки сухими от муки руками, она вошла в залу.

Изумрудная форма лежала на локотнике, изогнувшись, как пустая змеиная кожа. Пётр пил тёплый чай, почему-то не тронув ни одного сухаря. Света поставила корзинку на стол, изловчилась подхватить форму за самый дальний от мужа край и удалилась в спальню. Дверь захлопнулась так быстро, что пол задрожал. Ключ дважды повернулся в скважине с громким металлическим скрежетом. Света больше не слышала ни шуршания газеты, ни вздохов Петра — только смутный аромат жира и теста, исходящий от её домашнего платья.

Она отряхнула руки и подошла к окну. Облокотившись на подоконник, позволила себе наконец сторбиться. Внизу ржали лошади, отстукивая копытами по мостовой; люди кричали на мальчишку-попрошайку или спорили о рублях, садясь в экипажи. В спальне пахло цветами и чистотой, чему совсем не подходил запах кухни. Света переложила форму поближе к орхидее, надеясь, что сукно успеет его пропахнуть. Медленно развязала фартук, вытерла им руки, сложила и положила на резной стул.

Спина выпрямилась, растягивая мышцы. Руки болезненно согнулись за спиной, выхватывая пуговицу за пуговицей. Дама поворачивалась перед зеркалом, стараясь разглядеть эти несчастные белые кругляши; протасить их сквозь петли удавалось далеко не с первого раза. Наконец ткань нежно сползла, оголяя худощавые плечи. Платье упало на фартук, как лишний груз.

Света осталась в одном белье. Ей захотелось рассмотреть свое тело. Вид выпирающего живота при таких тонких конечностях неприятно отозвался в мыслях. На шее показалось пятнышко муки — она попыталась смахнуть его, но влажные от жара пальцы только размазали его в желтоватый след. Чуть подумав, она взяла грязный фартук и вытерла им всё, что казалось нечистым.

Дверь шкафа скрипнула. Достала корсет — короткий, с застарелой желтизной. Надела, сильно выпрямилась и, выдохнув воздух так быстро, как только возможно, сцепила железные крючки на животе. Она затягивала шнуровку до боли в ребрах. Наконец, надев юбку и лиф, Светлана провернула ключ и вышла в залу.

— Я готова, Петя. — Она покачивала ногами, пытаясь растянуть тугое сукно и привыкнуть к движениям.

— Светочка! Ты выглядишь... — он медленно провел взглядом по форме, видя перед собой строгую женщину, — как настоящая инспектриса! У меня для тебя подарок.

Пётр подошел к тумбе и взял маленькую записную книжку в черном переплете, а химический карандаш игриво, кончиками пальцев, всунул ей в кармашек блузки.

— Я записал самое важное на первых страницах, остальное — тебе.

Дама осторожно взяла книжку, черный переплет отзывался на руках холодной кожей. Она проплыла пальцем по кончикам страниц, листы пролетали тяжело, запинаясь о кожу. Восемнадцать из шестидесяти четырех были заняты. Заняты «самым важным».

— Кучер уже ждёт, Свет, — тяжелая рука приглаживала плечо женщины. — Вечером обсудим твои успехи.

— До вечера, Петя.

Ножки скользнули в кожаные ботильоны, а Света наклонилась, чтобы их поправить и затянуть шнурки. Корсет вжался в грудь, она кривилась и изгибалась, борясь с одеждой.

— Ты опять забыла перчатки. Я уже положил их на консоль.

Она выпрямилась. На консоли красовались белые лайковые перчатки, блики света на них качались, будто насмехаясь, смотря на все еще влажные, розовые руки. Женщина отвернулась, чтобы быстро натянуть перчатки, сунуть книжку в скрытый карман юбки, заботливо вышитый мадам Жюли, и выбежать в парадную. Сапоги деликатно стучали по метлахской плитке, швейцар, блестя галунами, уже стоял около двери, ожидая даму. Светлана кратко кивнула мужчине и шагнула в открытую дверь, окутавшись тонким духом весеннего цветения и не таким тонким — лошадиной шерсти и овса. Конь, Буран, возмущенно и скрипуче ковырял землю, переминаясь и облегчая ногу; казалось, он стоит и ожидает её одну уже вечность. Кучер, похлопывая лошадь по массивной спине, уже ждал у подножки. Светлана прошла вперёд — книжка в кармане при каждом шаге раздражающе била по бедру. Она медленно подала руку, отводя взгляд, и села на репсовую обивку, пытаясь успеть поправить одежду в те незначительные секунды, которые мужчина тратил на то, чтобы взойти на козлы. Корзинку она положила на колени, накрыв легкой тряпочкой.

Оглянувшись на свободные кроны поздней весны, она почувствовала, как самой стало свободнее, стало легче дышаться. Кони планомерно ускоряли шаг, открывая вид летящих мимо зданий и народа. Светлана наблюдала за этим потоком статной плоти сквозь мокрое стекло, протирая его, выцепляя взглядом хотя бы один развод как доказательство чужих прикосновений. Но разводы были только в углу, где она обычно потирала обивку пальцем, когда мечтала. В карете оставался только влипший в потолок дым гаванского табака и осадок её духов между ниток дивана.

Бац! Лошадь запнулась о камень. Светлана прерывисто, с испугом повернула голову к стеклу. Цыганская девочка с пятнами жира на рубаше разрывно хохотала, а дама сразу же вспомнила про валик: *«Он ведь там уже подгорел от жара батарей!»*. Длинные пальцы потирали кожу запястья, сжимали ее в мелкие складочки, и она все сильнее ощущала укол крапивы вместо нервного трения. Ей казалось, что Пётр уже задохнулся от черного дыма и что когда она вернется, её непременно отругают со всей строгостью, как совсем маленькую дуру. Она пыталась выбить это из мыслей, осознать, что в валике дыма на Николая не хватит, но голова все равно выхватывала улетающую мысль и ставила на место.

Дабы унять дрожь, дама вытянула из кармана записную книжку: *«...Светлана Валериановна, наставляю: ежели заметишь в черни праздное зубоскальство, песнопения али небрежение в одеждах — пресекай в зародыше. Песня в девке — суть симптом лени и душевного разброда, на мануфактуре же нам потребен не дух, а безотказный, вышколенный сустав. Ежели станок замер, не внимай стенаниям об износе металла; износ ведом лишь кладбищу, а покуда плоть жива — обязана вращать колесо. Взор твой да будет сух и беспристрастен, яко песок пустынный. Ты там не гостья, но самое око моё, неусыпное и карающее. Помни: мягкость к люду рабочему — что патока для мухи: завязнет в милости и чин свой позабудет. Рази их рублем, Света, ибо потачка рождает дерзость, а лику моему не пристало сиять пред сей рваниной...»*.

Она подогнула верхнюю губу, заодно оголяя часть зубов: *«Пётр-ли это писал?»*, припоминая сухие, вовсе не грамотные речи в его обиходе.

«...Далее, Светлана Валериановна, наставляю касательно твоего собственного чина в сей поездке. Помни, что ты суть сосуд моей воли, а не просто праздная путешественница. Дозволю тебе взирать на ландшафты, но не смей прельщаться вольностью сельской жизни. Встретишь ли местное дворянство али управляющего — держи спину так, будто в корсет твой вишит стальной клинок моего взора. Не смей излишне любопытствовать о нуждах рабо-

чих сверх того, что в сей книге прописано, ибо излишнее сострадание в женщине суть слабость ума и почва для истерии. Твоя задача — холодный учёт и безмолвное присутствие...».

В середине страницы заголовок был больно курсивным: «Свод правил благопристойного поведения дам в общественных местах». Женщина плавно отодвигала бумагу в сторону, дочитывая заголовок, и резво захлопнула книжку — да так, что кучер, еще не отошедший от шока после нового вида Точиловой, украдкой обернулся.

Проскочив разграничье меж Петербургом и Паровкой в виде нескольких кучек домов, называющихся деревнями, Светлана вдруг взглянула на открывающиеся виды. Лошади осторожно замедлились, что позволяло рассмотреть весь объем здешней природы. Леса, негусто разросшиеся берёзками и соснами, величественные поля золотистой пшеницы, колыхающейся под поздней зарей, и мелкие озера — всё это казалось такой роскошью, что отвести взгляд у неё вышло уже у самой Паровки.

Кучер любезно подал руку выходящей в строгих, тяжелых, сковывающих движениях даме. Она не могла не обвить взглядом величие утренней деревни: мягкое от старости дерево домов, у которых уже щёлкали семечками старушки, горы сена вдали, лениво шагающие под надзором бабы в платке коровы... Визги и криканы были окутаны запахом горячего теста, вспаханных огородов и солнечной духоты. Светлана замерла.

Глава 6

— Дальше, барыня, дорога не чищена, кони по бабки уйдут. Пожалуйте пешком-с, — кучер поправил шапку, поочередно жмурясь и шмыгая носом от перемены запахов.

Скрестив руки на груди и чуть сжав плечи, Светлана обернулась на мужчину, уже перевалившегося по местами мокрому песку в сторону кузницы.

— Напугал! — крикнула она вслед, отворачивая голову и смеясь, потирая кончик носа.

— А вы, ваше благородие, поменьше витайте! — загоготал кучер, окончательно удаляясь под звон молота.

Светлана покружилась на месте, выискивая взглядом трубы фабрики сквозь соломенные лучи. Улыбка всё ещё играла на её лице, когда она строго, даже чужеродно для этих мест, проплыла вперед. Она разглядывала корявые доски заборов, отдающие плесенью и пирогами, ранние одуванчики, горевшие под солнцем живыми свечами, и круги коровьего навоза. Их она резко обходила, но даже они были чем-то новым по сравнению со сплошными панелями и выглаженными витринами. Проходя мимо загона с козами — белыми, с жёсткой, но оттого не менее заманчивой шёрсткой, — она потянулась рукой к любопытной принюхивающейся морде. Но чем ближе были рога, вблизи огромные и пугающие, тем сильнее, до натянутых мышц, рука противилась и отдалялась. Света отступила, поправив края юбки: *«Быть может, на обратном пути.»* Она поправила платочек на корзинке с пирожками, однако дух крови и потрохов усиливался с каждым десятым шагом. Улыбка медленно опустилась, губы сжались в узкую линию, а глаза прищурились, пытаясь разглядеть в надвигающемся мареве очертания фабрики. Тонкая подошва ботильонов обросла влажным песком. Грязь налипала на узкие носы тяжелым слоем, который то и дело обваливался под собственным весом, уступая место новому. Светлана сделала еще шаг, и правый ботинок, не успев обрасти песком, упёрся в твёрдую кучу костей, пересыпанных золой. Она дробно выдохнула от дурного «пыщ»: кость под каблуком скользнула по несвежей жиле. Дама била ботинком по фабричному забору, отряхивая мерзкую смесь. Забор затрясся, издавая сухой стук.

— А ну! Кто хулиганит? Я ружьё-то сейчас достану! — хриплый голос вылетел из-за дверей, прежде чем они со скрипом разошлись.

Окруженный густым облаком сивухи и мясного духа, вырываясь из рук напуганной бабы, в проем вывалился мужчина. На нем была застиранная синяя косоворотка, прикрытая почти стоячим от соли и бурых пятен брезентовым фартуком. Рукава были закатаны, обнажая мясистые, чрезмерно волосатые предплечья и широкие, в мозолях, пальцы.

— У-ух! Светлана Валериановна, здрасьте! — мужик вдруг осел в голосе и принялся трясти фартук, отряхивая прилипшие специи. — Не узнал! Я Михалыч, то есть... Иван Шурупов, но можно по-нашему — Михалыч! Сзади вот, Наташка, помощница моя. А вы чего в забор стучитесь? Прошу!

Михалыч поклонился, широким жестом приглашая внутрь. Получив локтем под бок от выглядывающей из-за спины Наташки, он выпрямился, ожидая, пока инспектриса соизволит войти. Светлана вскользь провела носочком по углу забора и вальяжно пригнулась, приподняв края юбки даже чуть выше приличного. Подошва застучала по проложенным поверх месива из потрохов и сопутствующих жидкостей доскам — ненадежным, качающимся. Стук расходился вдоль груд нечистот и уплывал вглубь почвы, отчего тёмные доски раскачивались сильнее.

Входные двери захлопнулись, отрезав инспектрису от привычной тишины. Яркий свет отпечатался на полу и сужался с каждым движением створки, пока его окончательно не поглотила широкая тень Наташки. Михалыч мерно стучал по мешку, и белая пыль кружилась в тонких лучах света, прошивавших трухлявый потолок прихожей. По углам горбились кучи соли, поодаль стояли друг на друге бочки с мясом — приправленным и прижатым, чтобы

пустило сок. Опилки, которыми здесь вместо уборки засыпали полы, даже под ботинком казались скользкими; они проседали с характерным звуком, высвобождая розоватый сок. А куски соли, не успевшие раствориться, крошились под каблуком, как битый хрусталь.

— Во-от! Тут у нас соль, мясо настаивается... — Михалыч ещё разок хлопнул по мешку, хорошенько, размашисто, — Прошу, Светлана Валериановна.

Наташка обежала мастера и инспектрису, раздвинув тяжелые кожаные шторы, впускающие легкий мороз и сизые клубья пара. Послышались лязгающие удары ножей по кости, оставляющие зазубрины на железной скатерти; рабочие в кожаных фартуках, по локоть в жире и мелких, холодных шматочках мяса, переругивались и кричали. Пара мужиков, приметив даму вполглаза, на миг остановилась и казарменно обглядела инспекторскую фигуру, мерно потирая нож о фартук.

— Так-с, это у нас... обвалочная, — Шурупов шмыгнул, потирая чёрные от дыма края глаз. — Тут, вот, мужики мясо делают. Это Шура, это Ванька, прям как я, — мужик издал короткое, дураковатое «хе». — Э-э, дальше у нас... кишечная комната, прошу.

Мужчина хотел было поклониться, но, предвещая удар помощницы, выпрямился, живо увильнув от посягнувшего на него женского локтя.

Наташка метнулась вперед, толкнув громоздкие створки. Грохот ножей сменился металлическим гулом чугунной мясорубки, вязким шлепаньем мяса, схлупыванием кишок, выжимаемых из соленой воды, и тяжелыми, мокрыми плевками фарша из шприца. В густом, пахучем пару все казалось смазанным и липким. Михалыч ввалился следом, обходя работающих баб и приборы.

— Ай девки, ай молодцы! — пронёсся резкий хлопок по женским бёдрам и бабское криканье. — Во-от, это... Тут у нас девки работают, фарш в кишки засоуют, чтоб колбасой стало, ну, э-э, почти! А фарш вот, в этой машине делается, — Михалыч указал ладонью на мясорубку. Светлана склонилась набок, выискивая в кармане записную книжку. Вытащив из кармашка блузки карандаш, она привычно лизнула грифель, оставив на губе фиолетовое пятно и мимолетно занесла что-то на бумагу — такую яркую, чистую, что в этих стенах она казалась чужой. На кончике языка остался привкус волглрой кишки и чеснока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.